

НАКАНУНЬ

Я не могу себе представить, чтобы такие законники, такие осторожные и тяжелые на подъем люди, как англичане, могли проматывать обмысл в советских учреждениях без достаточных к тому оснований.

Русская поговорка — «семь раз отмерь и один раз отрежь», в Лондоне читается еще строже:

— Четырнадцать раз отмерь и десять раз подумай, прежде чем начнешь резать.

Английские газеты говорят прямо: — Речь идет о краденых документах.

У министра внутренних дел пропали секретные документы и министр надеется найти их в советских учреждениях...

Конечно, по отношению ко всякой другой стране самый этот вопрос: а не вы ли, господа, украл? — прозвучал бы как тяжелое и необдуманное оскорбление.

Но советские уже приучили весь мир к своей новой морали и приучили в такой мере, что никакие вопросы никого больше не удивляют.

Напротив, если гав нибудь пропадающие секретные планы или тайные документы, то все невольно оборачивается в советскую сторону и все спрашивается:

— А не эти ли ажендальеры сперли.

Я, поэтому, и не двинул, что такой же вопрос пришел в голову и английскому министру внутренних дел.

Но от вопроса до обмысла, конечно, — дистанция огромного размера.

Было бы наивно думать, что английский министр только «пробует» и нащупывает почву.

Он поставил бы себя в самое тяжелое и самое смущенное положение, если бы, закинувши такой невод, он ничего не вытащил.

Напротив, если закинул, значит, был уверен, что рыба будет. И не рыба, а крупная рыба.

Впрочем, уже и сейчас можно сказать, что министр не ошибся в своих расчетах.

Английские газеты утверждают, что при первом появлении полиции в помещении Аркоса, советские служащие, спешив и в полной панике, стали бросать в огонь бумаги, так, что полицейские уже из огня выхватывали эти бумаги и приоблали к длу.

Позвольте же спросить: зачѣм бы «слайливые и честные» советские служащие стали прибегать к этому рискованному приему фальшиомонетчиков и

поиманных жуликов? Если бы бумаги не содержали в себе ничего преступного, то советские мужчины не бросали бы их в огонь, а советские дамы не падали бы в истерику при одном виде полисменов.

Честные люди полицию не боятся. Я, поэтому, и думаю, что улов, будешь, и, впрочем, весьма значительный.

Ожидают улова и английские газеты. — «Вот отдадут себя отчет, пишет «Дейли Кроникль», — в серьезности тех мѣр, которые принял министр внутренних дел. Если никаких компрометирующих бумаг найдено не будет, то государственный человек поставит себя в смущенное положение. И наоборот, если найдут то, что ищут, то сами собою встанут политические вопросы международного значения.

Во всяком случае, правительству будет очень трудно объяснить свой шаг, без разрыва в то же время англо-русского соглашения.

Повидному, дело к этому и идет. Если бы министр внутренних дел не нашел того, чего он ищет, то ему надо было бы уйти в отставку.

И наоборот, если он найдет, то в отставку придется уйти советцам.

Или — или...

Я не знаю, чтобы большевикам мог помочь и обычный их прием, к которому так охотно прибегают г. Литвинов, утверждавший, что китайцы все документы подделали и что в советском посольстве они ничего не нашли.

Опытные люди из Скотланд Ярд, кои фискалу советских бумаг, всякий раз предъявляли их советским агентам? — Ваши?

— Наши...

И только потому бумаги складывались в мѣшок.

Конечно, коммунистическая Москва поднимает крик на весь мир и будет говорить, что англичане нарушили неприкосновенность и экстерриториальность их коммерческого агента Хиччука, — но ко советским крикам все давно привыкли, и, впрочем, английский министр к ним привыкся заранее.

Во всяком случае, то, что произошло сейчас в Лондоне, полно огромного политического значения.

Англия первая (если не считать нѣмец) допустила такую ошибку своим «спризнаемъ» большевиков, но, кажется, она же первая и поправит эту ошибку.

Александр Яблоновский.

Въ Советской России

НОВЫЙ КУРСЪ ВЪ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВѢ

Членъ коллегии наркомзема Ладисъ сообщает корреспонденту «Извѣстій», что намѣчается новый курсъ въ землеустройствѣ, а именно, децентрализация и упрощеніе землеустроительнаго процесса. Основное вниманіе будетъ обращено на усиленіе внутрисельскаго землеустройства за счетъ ограниченія работъ по межселенному землеустройству.

ХЛѢБНЫЙ ЭКСПОРТЪ

Директоръ экспорта хлѣба Хлопкинъ сообщает на всеобщемъ биржевомъ совѣщаніи слѣдующія цифры, характеризующія экспортную кампанию хлѣба. За 9 мѣсяцевъ вывезено за границу 172,7 милліоновъ пудовъ хлѣбопродуктовъ, въ томъ числѣ 76,1 милл. пуд. пшеницы, 93,1 милл. пуд. ржи, 26,2 милл. пуд. ячменя, 11,6 милл. пуд. кукурузы, 28 милл. пуд. жмыховъ и 10,7 милл. пуд. проч. хлѣбовъ.

УРАГАНЪ ВЪ ФЕРГАНѢ

3-го и 4-го мая надъ Ферганомъ пронесся необыкновенной силы ураганъ, сопровождаемый ливнемъ. Вода сильно поднялась на основнѣхъ водныхъ системахъ Кокандскаго округа. На Гаваскаской системѣ потокъ воды увеличился въ семь разъ. Вода вышла изъ береговъ и несла голые и другія ирригаціонныя сооруженія. Потокъ на Савской системѣ достигъ ширины пяти километровъ. Водой снесено нѣсколько кишлаковъ; пострадало много посѣвовъ.

ДѢЛО ЛАТВИЙСКИХЪ ШПІОНОВЪ

9-го мая началось слушаніе дѣла латвийскихъ шпіоновъ. На скамьѣ подсудимыхъ 48 человекъ. Не доставленъ въ судъ одинъ изъ главныхъ обвиняемыхъ, Пашенковъ, заболѣвшій психическимъ расстройствомъ. Кроме того, не явился обвиняемый Дмитріевъ. Въ утренней засѣданіи началось оглашеніе обвинительнаго акта. Оно же началось и вечернее засѣданіе. («Правда», 10 мая).

«Извѣстія» отъ 10 мая даютъ слѣдующія подробности по дѣлу. Началось оно въ концѣ августа 1925 г., когда на улицѣ Достоевскаго были задержаны нѣкій Петровъ и фельдшеръ Второго исправдома Вьюловъ. Петровъ пытался бѣжать, но, видя невозможность скрыться, застрѣлился. При немъ были найдены письма, благодаря которымъ совершилось привлеченіе многихъ лицъ по обвиненію въ шпіонажѣ. Изъ обвинительнаго акта видно, что на территоріи Латвіи существовали такъ называемая «странничья» дачка, совмѣщающая контрабанду и шпіонажъ. Одна изъ такихъ лавочекъ въ районѣ деревни Оссани сдѣлалась базой агентуръ развѣдки Нутиса и Турина. Явившійся за контрабандой Пашенковъ, Ласовецъ и Обжоринъ были осведомлены, что товары имъ будутъ от-

СРѢВЪ ПОСѢВОВЪ ЛЬНА ВЪ БѢЛОРУССІИ

«Правда» (10 мая) сообщаетъ, что по вѣсти Наркома БѢлоруссіи и бѢлорусскаго Сельхозоза, мѣстное населеніе во время не получило дѣльныхъ сѣмянъ. Въ результатъ посѣвъ льна находится подъ угрозой, ибо спросъ на сѣмена ни въ какомъ случаѣ удовлетворенъ въ полной мѣрѣ быть не можетъ.

ВСЮДУ НАВОДНЕНІЯ

Советскія газеты сообщаютъ о наводненіяхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и восточнѣхъ Шлояхъ о нихъ вѣсти изъ Волжскаго бассейна и изъ Донскаго бассейна и изъ Сибири. Серьезная угроза наводненія создана для Поволжья. Станція Новочеркасская затоплена. Подътоплены караванъ спасательныхъ судовъ. Въ Сибири облеивъ Ирбита напоромъ воды прорвана дамба. Въ Туринскомъ районѣ затоплено 30 селеній. Массовою сменой воды. Для спасенія пострадавшихъ мысленъ пароходъ съ баржей.

НОВЫЙ ВУЛКАНИЧЕСКІЙ ОСТРОВЪ

Изъ Баку сообщаютъ, что геологи Анефти осматривали новый вулканическій островъ образовавшійся послѣ изверженія морскаго изверженія. Островъ занимаетъ около полудесятины и возвышается на нѣсколько футовъ. Предполагаютъ, что подъ островомъ залегаютъ огромныя пласты нефти. Появился островъ на мѣстѣ исчезнутаго подъ водой въ 1861 г. острова Кумани.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

— Великогерманская партія въ Австріи, насчитывающая въ новомъ парламентѣ 12 депутатовъ, опубликовала декларацию въ пользу присоединенія Австріи къ Германіи.

— По инициативѣ помя даннѣхъ итальянская эмиграція въ 1926 году выразила въ слѣдующихъ цифрахъ: во Франціи эмигрировало 132.000 человекъ, въ Аргентинѣ — 60.000, въ Соед. Штатахъ — 36.000, въ Бразилію — 11.000, въ Австралію — 4.000, въ Канаду — 3.000, и въ Уругвай — 3.000.

— Въ Японіи поздними заморозками погублены многочисленныя тутовныя деревья.

— Въ Техасѣ зарыто убито 11 и ранено 25 человекъ.

— Пинедо прилетѣлъ изъ Филадельфіи въ Чарльстонъ.

— О летчикѣ Сент-Романѣ и Мунирѣ нѣтъ никакихъ вѣстей.

— Въ Берлинѣ произошли столкновенія между полиціей и націоналистами.

Имѣя пинуть изъ Лондона: Нѣкое «Английское агентство по устройству иностранныхъ пользокъ для рабочихъ» объявляетъ объ организаціи нѣм. совѣтство съ советскимъ обществомъ Аркосъ, двухъ экскурсій въ Петербургъ и Москву въ теченіе предстоящаго лѣта. Объявляется, что путь будетъ совершенъ на советскихъ пароходахъ, прямо изъ Лондона въ Петербургъ, а затѣмъ туристамъ будутъ показаны Москва и «Ленинградъ».

Очевидно, что организаторы этихъ прогулокъ рассчитываютъ на чрезвычайно невыгодную публичку, даже среди англійскихъ рабочихъ, такъ какъ советскіе пароходы, поддерживающіе рейсы между упомянутыми портами, болѣе чѣмъ примитивны, и весьма непривлекательны. Въ Петербургѣ путешественникамъ будутъ показаны: Музей Революціи, Дворецъ Профсоюзозъ, фабрика резиновыхъ издѣлій, Петропавловская крѣпость, Монетный дворъ, Клубы рабочихъ, Дома отдохновенія для рабочихъ, госпитали для рабочихъ и театры для рабочихъ.

Въ Москвѣ туристы увидятъ Дворецъ Труда, Рабочую Художественную галерею, Кремль, Красную площадь и гробницу Ленина, Газета «Манчестеръ Гардианъ», ради-

кальный органъ нѣкоторыхъ манчестерскихъ капиталистовъ, во что бы то ни стало желая сказать о бытѣ, хоть большевикамъ, свои залежащие товары, сопроводяетъ это объявленіе такой рекламною фразой:

«Позднѣе эти представляютъ исключительный интересъ, и серьезныя изслѣдователи положенія дѣлъ въ Россіи должны непременно воспользоваться рѣдко представляющимся случаемъ».

Е. С.

«Всѣмъ, всѣмъ и за границу Севастополя безцѣльно по дурному стрѣляющимъ!»

— Товарищи, вы дострѣляетесь на свою голову, скоро нечѣмъ будетъ стрѣлять и по шлы, вы все расстрѣяете и будете сидѣть на бобахъ, а тогда всѣмъ, голубчиковъ, и пустыми руками заберутъ.

— Товарищи, буржуазія глотаетъ и тѣхъ, кто лежитъ сейчасъ въ гробѣхъ и могилѣхъ. Вы же, предатели, стрѣляющие, тратя патроны, помогаете ей и остальныхъ глотать. Мы призываемъ всѣхъ товарищей присоединиться къ намъ и запретить стрѣльбу всѣмъ нѣмъ-кошмъ кончатую голову.

— Товарищи, давайте сдѣлаемъ такъ, чтобы нѣмъ-кошмъ кончатую голову, одного социалста уже нѣтъ въ живыхъ! Каждая пуля, выпущенная нами, должна быть въ толстоѣ брохо, она не должна пинуть воду въ бухтѣ.

— Товарищи, берегите патроны пуше глаза. Съ однимъ глазомъ еще можно жить, но безъ патроновъ нельзя.

— Если стрѣльба при ближайшихъ похоронахъ возобновится по городу и бухтѣ, помните, что и мы, военные моряки линейнаго корабля «Свободная Россія», выстрѣлимъ одинъ рачетокъ, и тогда не пеняйте на насъ, если у всѣхъ полаяются барабанныя перепонки и стекла въ окнахъ.

— Итакъ, товарищи, больше въ Севастополѣ пустой, дурной стрѣльбы не будетъ, будетъ стрѣльба только дѣловая — въ кондръ-революцію и буржуазію, а не по водѣ и воздуху, безъ которыхъ и минуть никто не можетъ жить!

Ив. Бушнѣ

19 февраля.

П. С. Коганъ разсказывалъ мнѣ о Штейнбергѣ, комиссарѣ юстиціи: старозавѣтный, набожный еврей, не вѣстъ трѣного, свято чтить субботу... Затѣмъ о Блокѣ: онъ сейчасъ въ Москвѣ, страстный большевикъ, личный секретарь Луначарскаго. Жена Когана съ удивленіемъ:

— Но не судите его строго! Въдъ онъ совсѣмъ, совсѣмъ ребенокъ!

Въ пять часовъ вечера узналъ, что въ Экономическое Общество Офицеровъ на Волонжннхъ пѣные солдаты бросили болбу. Убито, говорятъ, не то шестьдесятъ, не то восемьдесятъ человекъ.

Читалъ только что привезенную изъ Севастополя «революцію, вынесенную командой линейнаго корабля «Свободная Россія». Заключительное произведеніе!

17 февраля.

Вчера журналисты въ одинъ голосъ говорили, что не вѣрять, что миръ съ нѣмцами дѣйствительно подписанъ.

— Не представляю себѣ, говорилъ А. А., не представляю подписисъ Готенлодерна рядомъ съ подписью Бронштейна! Нынѣ въ половинѣ пятого на Арбатской площади, залитой яркимъ солнцемъ, толпа народа рвать изъ рукъ газетчиковъ «Вечернія Новостя»: миръ подписанъ!

Позвоилъ во «Власть Народу»: правда ли, что подписанъ? Отвѣчаютъ, что только что звонили въ «Извѣстія» и что оттуда твердый отвѣтъ: да, подписанъ. «Вотъ тебѣ и это представляю».

18 февраля.

Утромъ собраніе въ «Книгоиздательствѣ писателей». До начала засѣданія и самими послѣдними словами обиданъ большевикамъ Клевостъ-Ангарскій, — онъ уже какой-то комиссаръ у большевиковъ, — ни слова. Еще робуютъ, сѣдное поле, блестящая и безконечная ухабистая дорога, промерзлые розвалыни, ступающіе по ней, мелко бгущая божастая лошадица, вся обросшая сѣрой наморозью, съ крупными сѣрыми отъ наморозъ рѣсницами...

О чѣмъ думаетъ Махоточка, сжавшись отъ холоду и огненнаго вѣтра, привалившись бокомъ въ уголъ перелка этихъ розвалыней?

Въ кабинетѣ разрыла телеграмму: «Вѣстѣ со всей Стрѣльной пѣмѣ слава и гордость русской литературы!» — И даже руками развою отъ удивленія и смущенія: такъ вотъ изъ-за чего двадцать верстъ стукался Махоточка по ухабамъ! Ой, какіе же мы ошны! Ой, плохо будетъ намъ въ нѣкій часъ! И подѣломъ будетъ!»

17 февраля.

Вчера журналисты въ одинъ голосъ говорили, что не вѣрять, что миръ съ нѣмцами дѣйствительно подписанъ.

— Не представляю себѣ, говорилъ А. А., не представляю подписисъ Готенлодерна рядомъ съ подписью Бронштейна! Нынѣ въ половинѣ пятого на Арбатской площади, залитой яркимъ солнцемъ, толпа народа рвать изъ рукъ газетчиковъ «Вечернія Новостя»: миръ подписанъ!

Позвоилъ во «Власть Народу»: правда ли, что подписанъ? Отвѣчаютъ, что только что звонили въ «Извѣстія» и что оттуда твердый отвѣтъ: да, подписанъ. «Вотъ тебѣ и это представляю».

18 февраля.

Утромъ собраніе въ «Книгоиздательствѣ писателей». До начала засѣданія и самими послѣдними словами обиданъ большевикамъ Клевостъ-Ангарскій, — онъ уже какой-то комиссаръ у большевиковъ, — ни слова. Еще робуютъ, сѣдное поле, блестящая и безконечная ухабистая дорога, промерзлые розвалыни, ступающіе по ней, мелко бгущая божастая лошадица, вся обросшая сѣрой наморозью, съ крупными сѣрыми отъ наморозъ рѣсницами...

О чѣмъ думаетъ Махоточка, сжавшись отъ холоду и огненнаго вѣтра, привалившись бокомъ въ уголъ перелка этихъ розвалыней?

Въ кабинетѣ разрыла телеграмму: «Вѣстѣ со всей Стрѣльной пѣмѣ слава и гордость русской литературы!» — И даже руками развою отъ удивленія и смущенія: такъ вотъ изъ-за чего двадцать верстъ стукался Махоточка по ухабамъ! Ой, какіе же мы ошны! Ой, плохо будетъ намъ въ нѣкій часъ! И подѣломъ будетъ!»

17 февраля.

Вчера журналисты въ одинъ голосъ говорили, что не вѣрять, что миръ съ нѣмцами дѣйствительно подписанъ.

— Не представляю себѣ, говорилъ А. А., не представляю подписисъ Готенлодерна рядомъ съ подписью Бронштейна! Нынѣ въ половинѣ пятого на Арбатской площади, залитой яркимъ солнцемъ, толпа народа рвать изъ рукъ газетчиковъ «Вечернія Новостя»: миръ подписанъ!

Позвоилъ во «Власть Народу»: правда ли, что подписанъ? Отвѣчаютъ, что только что звонили въ «Извѣстія» и что оттуда твердый отвѣтъ: да, подписанъ. «Вотъ тебѣ и это представляю».

18 февраля.

Утромъ собраніе въ «Книгоиздательствѣ писателей». До начала засѣданія и самими послѣдними словами обиданъ большевикамъ Клевостъ-Ангарскій, — онъ уже какой-то комиссаръ у большевиковъ, — ни слова. Еще робуютъ, сѣдное поле, блестящая и безконечная ухабистая дорога, промерзлые розвалыни, ступающіе по ней, мелко бгущая божастая лошадица, вся обросшая сѣрой наморозью, съ крупными сѣрыми отъ наморозъ рѣсницами...

О чѣмъ думаетъ Махоточка, сжавшись отъ холоду и огненнаго вѣтра, привалившись бокомъ въ уголъ перелка этихъ розвалыней?

Въ кабинетѣ разрыла телеграмму: «Вѣстѣ со всей Стрѣльной пѣмѣ слава и гордость русской литературы!» — И даже руками развою отъ удивленія и смущенія: такъ вотъ изъ-за чего двадцать верстъ стукался Махоточка по ухабамъ! Ой, какіе же мы ошны! Ой, плохо будетъ намъ въ нѣкій часъ! И подѣломъ будетъ!»

17 февраля.

Вчера журналисты въ одинъ голосъ говорили, что не вѣрять, что миръ съ нѣмцами дѣйствительно подписанъ.

— Не представляю себѣ, говорилъ А. А., не представляю подписисъ Готенлодерна рядомъ съ подписью Бронштейна! Нынѣ въ половинѣ пятого на Арбатской площади, залитой яркимъ солнцемъ, толпа народа рвать изъ рукъ газетчиковъ «Вечернія Новостя»: миръ подписанъ!

Позвоилъ во «Власть Народу»: правда ли, что подписанъ? Отвѣчаютъ, что только что звонили въ «Извѣстія» и что оттуда твердый отвѣтъ: да, подписанъ. «Вотъ тебѣ и это представляю».

18 февраля.

Утромъ собраніе въ «Книгоиздательствѣ писателей». До начала засѣданія и самими послѣдними словами обиданъ большевикамъ Клевостъ-Ангарскій, — онъ уже какой-то комиссаръ у большевиковъ, — ни слова. Еще робуютъ, сѣдное поле, блестящая и безконечная ухабистая дорога, промерзлые розвалыни, ступающіе по ней, мелко бгущая божастая лошадица, вся обросшая сѣрой наморозью, съ крупными сѣрыми отъ наморозъ рѣсницами...

О чѣмъ думаетъ Махоточка, сжавшись отъ холоду и огненнаго вѣтра, привалившись бокомъ въ уголъ перелка этихъ розвалыней?

Въ кабинетѣ разрыла телеграмму: «Вѣстѣ со всей Стрѣльной пѣмѣ слава и гордость русской литературы!» — И даже руками развою отъ удивленія и смущенія: такъ вотъ изъ-за чего двадцать верстъ стукался Махоточка по ухабамъ! Ой, какіе же мы ошны! Ой, плохо будетъ намъ въ нѣкій часъ! И подѣломъ будетъ!»

17 февраля.

Вчера журналисты въ одинъ голосъ говорили, что не вѣрять, что миръ съ нѣмцами дѣйствительно подписанъ.

— Не представляю себѣ, говорилъ А. А., не представляю подписисъ Готенлодерна рядомъ съ подписью Бронштейна! Нынѣ въ половинѣ пятого на Арбатской площади, залитой яркимъ солнцемъ, толпа народа рвать изъ рукъ газетчиковъ «Вечернія Новостя»: миръ подписанъ!

Позвоилъ во «Власть Народу»: правда ли, что подписанъ? Отвѣчаютъ, что только что звонили въ «Извѣстія» и что оттуда твердый отвѣтъ: да, подписанъ. «Вотъ тебѣ и это представляю».

18 февраля.

Утромъ собраніе въ «Книгоиздательствѣ писателей». До начала засѣданія и самими послѣдними словами обиданъ большевикамъ Клевостъ-Ангарскій, — онъ уже какой-то комиссаръ у большевиковъ, — ни слова. Еще робуютъ, сѣдное поле, блестящая и безконечная ухабистая дорога, промерзлые розвалыни, ступающіе по ней, мелко бгущая божастая лошадица, вся обросшая сѣрой наморозью, съ крупными сѣрыми отъ наморозъ рѣсницами...

О чѣмъ думаетъ Махоточка, сжавшись отъ холоду и огненнаго вѣтра, привалившись бокомъ въ уголъ перелка этихъ розвалыней?

Въ кабинетѣ разрыла телеграмму: «Вѣстѣ со всей Стрѣльной пѣмѣ слава и гордость русской литературы!» — И даже руками развою отъ удивленія и смущенія: такъ вотъ изъ-за чего двадцать верстъ стукался Махоточка по ухабамъ! Ой, какіе же мы ошны! Ой, плохо будетъ намъ въ нѣкій часъ! И подѣломъ будетъ!»

17 февраля.

Вчера журналисты въ одинъ голосъ говорили, что не вѣрять, что миръ съ нѣмцами дѣйствительно подписанъ.

— Не представляю себѣ, говорилъ А. А., не представляю подписисъ Готенлодерна рядомъ съ подписью Бронштейна! Нынѣ въ половинѣ пятого на Арбатской площади, залитой яркимъ солнцемъ, толпа народа рвать изъ рукъ газетчиковъ «Вечернія Новостя»: миръ подписанъ!

Позвоилъ во «Власть Народу»: правда ли, что подписанъ? Отвѣчаютъ, что только что звонили въ «Извѣстія» и что оттуда твердый отвѣтъ: да, подписанъ. «Вотъ тебѣ и это представляю».

18 февраля.

Утромъ собраніе въ «Книгоиздательствѣ писателей». До начала засѣданія и самими послѣдними словами обиданъ большевикамъ Клевостъ-Ангарскій, — онъ уже какой-то комиссаръ у большевиковъ, — ни слова. Еще робуютъ, сѣдное поле, блестящая и безконечная ухабистая дорога, промерзлые розвалыни, ступающіе по ней, мелко бгущая божастая лошадица, вся обросшая сѣрой наморозью, съ крупными сѣрыми отъ наморозъ рѣсницами...

О чѣмъ думаетъ Махоточка, сжавшись отъ холоду и огненнаго вѣтра, привалившись бокомъ въ уголъ перелка этихъ розвалыней?

Въ кабинетѣ разрыла телеграмму: «Вѣстѣ со всей Стрѣльной пѣмѣ слава и гордость русской литературы!» — И даже руками развою отъ удивленія и смущенія: такъ вотъ изъ-за чего двадцать верстъ стукался Махоточка по ухабамъ! Ой, какіе же мы ошны! Ой, плохо будетъ намъ въ нѣкій часъ! И подѣломъ будетъ!»

17 февраля.

Вчера журналисты въ одинъ голосъ говорили, что не вѣрять, что миръ съ нѣмцами дѣйствительно подписанъ.

— Не представляю себѣ, говорилъ А. А., не представляю подписисъ Готенлодерна рядомъ съ подписью Бронштейна! Нынѣ въ половинѣ пятого на Арбатской площади, залитой яркимъ солнцемъ, толпа народа рвать изъ рукъ газетчиковъ «Вечернія Новостя»: миръ подписанъ!

Позвоилъ во «Власть Народу»: правда ли, что подписанъ? Отвѣчаютъ, что только что звонили въ «Извѣстія» и что оттуда твердый отвѣтъ: да, подписанъ. «Вот